

Елена Шварц

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

БАШНЯ, В НЕЙ КЛЕТКИ

Строфа она есть клетка с птицей
Мысль пленная щебечет в ней—

Она вздыхает как орлица
Иль смотрит грозно как царица,
То щелкает как соловей.

Они стоят на клетке клетка — как бы собор,
который сам поет как хор

Я б выпустила вас на волю
Но небо крапинкою соли
мерцает в выси — ни дверей, ни окон
Нет в этой башне — свернутой как кокон.

Но я открою клеток дверцы
— они вскричат как иноверцы
на безъязыких языках
толкаясь вылетят они
и защебечут залопочут
заскверещат и загогоцут
и горл своих кольшат брызжи
и перья розовые сыплют
пометом белоснежным брызжут
Клюют друг друга и звенят.
Они моею кровью напитались
Они мне вскрыли вены ловко
И мной самой — какая впрочем жалость
Раскидан мозг по маленьким головкам
Осколки глаз я вставила им в очи.
И мы поем, а петь нас Бог учил
И мы рычим и мы клокочем
Платок накинут — замолчим.

1976 г.

СОЛОВЕЙ СПАСАЮЩИЙ

Соловей засвистал и зашелкал —
Как банально начало — но я не к тому
Хотя голосовой алмазной иглой
Он шил Деревню Новую и Каменного дышащую мглу
Но это не было его призванием.

Он в гладком шаре ночи
Всю простучал поверхность и точку ту нашел слабее прочих.

Друг! Неведомый! Там он почувал иные
Края — где нет памяти, где не больно
Дышать — там они те пространства родные
Где чудному дару будет привольно.
И в эту точку голосом ударив, он начал жечь ее как кислотой
Ее буравить, рыть, как роет пленник такую ж прикрывался
темнотой

Он лил кипящий голос
В невидимое углубление
То он надеялся — что звук возрастет как волос
Уже с той стороны, то уюлкал в о мненьи.
То просыпался и тянул из этой ямки все подряд
Как тянут из укуса яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответа
С той стороны — вдруг кто-нибудь захочет
Помочь ему. Нездешний свет
Блеснет. Горошинку земли он в клюв тогда бы взял
И вынес бы к свету через темный канал.

1973

*Помощь блеснет нездешний свет
Горошинку земли он под язык вклатал
И вынес бы к свету, а сам устал —*

СОЛОВЕЙ СПАСАЮЩИЙ

/ стихотворение двойник /

Соловей засвистал и защелкал
— Как банально начало— но я не к тому
И сцепил голосовой защелкой
Деревню Новую и Каменною дышащую тьму,
И он повесил на прохладе сушиться их полотна,
Чтоб точку ту найти— материей не так набиту плотно.

Друг! Неведомый! Там он почувал иные
Края, где нет памяти, где не больно
Дышать, там они ~~внешние~~ те пространства родные,
Где чудному дару будет привольно.
И свиста рукоять зажав, он начал точку ту долбить,
Где запах вечности шел слабый— ах нам его не уловить!

Он лил кипящий голос
В невидимые углубленья
То он надеялся, что звук возрастет как волос
Уже с той стороны, то умолкал в сомненьи,
То прижимался и тянул из этой ямки все подряд
Проглатывая грязь и всасывая яд.

Он рыл туннель в грязи пахучей ночи
И ждал ответ
С той стороны — вдруг кто-нибудь захочет
Помочь. Блеснет нездешний свет.
Горошинку земли он под язык вкатыл
И выплюнул бы в свет, а сам упал без сил.

БУРЛЮК

В. Кривулину

Удивленье

В миг рожденья —

А там уж бык привык,

Что он из круга в круг

Из века в век —

Все бык.

Но дхнул в свой рог

Дух мощный вдруг

И бык упал

И встал Бурлюк.

О русский Полифем! Гармонии стрекало

Твой выжгло глаз,

Музыка сладкая глаза нам разъедала

Как мыло и твой мык не слышен был для нас.

Явился он — и Хаос забурлил

и ассиметрия выграла,

Дом крепкий, ясный блеск светил

Все затряслось как лодка у причала.

Промчался анревушим Быкобогом,

Уже безмясый, но живой,

Как перед пьяным — ввысь дорога

Меж туч клубится орган половой.

/бывают времена — они свою дитю

лелеют, нежат, в хлебе запекают

горячем. Педантичный дух

во чревах обходя младенцев

им уши протыкает,

им зрение острит,

на кровь им дышит,

чтоб быстрее кружила,

снимает плесень с ока —

блажен! — и бык тогда становится пророком

И гении как сорняки растут —

Так много их - но и земля широка.
 Но вы - о бедные - для вас и чести больше,
 Кто обделен с рождения как Польша
 Кто в пору глухоговоренья
 родился - полузадушенный больно,
 Кто горло сам ~~выбил~~ проткнул себе для пеня,
 Глаза омыл небесною волной
 И кто в декабрьский мраз - как чахлая осока
 На льдине расцветал, шуршащей одиноко. /

Давид кубический приплыл
 В страну квадратных подбородков
 И матюгнулся, но купил
 Забвенье - куклою в коробке,
 Забвенье в склепе словарием,
 А память в звоне комарином.

1974 г.

*Da bin ich Dichter
Fon'fleta auch*

У человека шов проходит по гортани —
сшивали там и спрятали изнанку.

Ой, вы мягкие игрушки,
розовейте на свету!

Сколько Творец не жалел атласу;
чтоб упрятать в вас-темноту.

Марь-онетки, ваши нитки
все видны.

Натуральная машина,
ты не плачь и не кричи,
не то твои порвутся нитки
и съедят тебя в ночи.

И повторю — я вам не флейта,
я не игрушка вам,

ни вам — печонка, селезенка,
ни сердцу, ни мозгам.

70 (приблизительно)

РАСПРОДАЖА БИБЛИОТЕКИ ИСТОРИКА

Вот тот нагой, что там в углу сидит —
 На нем чужой башмак с алмазной пряжкой —
 Он бледен, жалок, не был знаменит
 И жил он дома меньше, чем на Пряжке.

Это в веке чужом золотят стремяна,
 Так причудливо строят и крепко,
 Но когда ты живешь-то в свои времена
 И буденовка кажется кепкой.

Потому он ушел, он сошел по мосткам —
 Корешков — по хрустящим оторванным — вниз —
 К фижмам, к пахнущим уксусом слабым вискам,
 Где для яда — крапленный сервиз,

Где масоны выводят в ночи цыплят
 Из вареных вкрутую яиц,
 Но их шепот так слаб, так прозрачен наряд,
 Так безглазо сияние лиц!

С волной паломников он шел другое лето,
 Кто темные воды их пьет?
 За желтой и сухой гвоздикой Назарета
 Дитя босое в сумерках бредет.

Он повсюду — в полях и трактирах искал
 Полета отравленной шпаги,
 Но бесплотное сердце клинок протыкал
 Только разум мутя и лишая отваги.

Лик человечества — не звук пустой —
 Есть люди — уши, люди — ноздри, зубы,
 В те дни лик был небрит, весь в бороде густой,
 Не то что в наши дни — тончал и шел на убыль.

Все души с прочернью как лес весной,
 Но вот придет светясь Франциск Ассизский —
 Чтоб мир прелестен стал как одалиска
 Довольно и одной души, одной!

Но закрутилось колесо, срывая все одежды —
 Повсюду — легионы двойников,
 Их не найти нет никакой надежды
 Зарывшись в легионы дневников.

Идет острижена на плаху королева,
 Но чтоб замкнулся этот круг —
 Вперед затылком мчится дева
 И смотрит пристально на юг,

Когда она подходит ближе,
 Из под корсета вынимая нож,
 Хоть плещешься в ботинке с красной жижей,
 Марат, ты в этот миг на короля похож.

Повсюду центр мира — страшный луч
 В моем мизинце и в зрачке Сократа,
 В трамвае, на луне, в разрыве мокрых туч
 И в животе разорванном солдата.

Где в огненной розе поет Нерон
 И перед зеркалом строит рожи,
 Где в Луну Калигула так влюблен,
 Что плачет и просит спуститься на ложе.

Где Клеопатра, ночной мотылек,
 С россыпью звезд на крылах своих нежных,
 Флот деревянный — магнит уволок,
 Дикая он тянет — что нежелезно.

Ах, он всех — он даже Петра любил,
Что Россию разрезал вдоль,
Черной икрой мужичков мостовые мостил,
Но душ не поймал их вертких как моль.

Ах не он ли и Павлу валерьянку носил,
Просил— Не ссылай хоть полками —
Но тот хрипел и тень поносил
И как дитя топотал ногами...

Он в комнате пустой — все унесли,
Его витраж разбили на осколки,
Пометы стерли, вынули иголку,
Что тень скрепляла с пестротой земли.

Но больше он любил в архивах находить,
Кого напрочь забыто имя —
При свете ярком странно так скрестить
Свои глаза — с смеженными, слепыми,

Но благодарными, а сам он знал,
Что уж его наверно не вспомнят.
У входа, впрочем, душ один клубится вал,
И имена как жреби мы тянем.

1974 г.

НОВОРОЖДЕННОМУ

И десять месяцев лунных
Во чреве Бог тебя томил
Чтобы во тьме, во тьме безумной
Ты как опара восходил,
живот все выше поднимая
По расписанью дальних звезд
Чтоб в темноте шипя, вскипая
Ты облаком кровавым рос.
Не спи младенец, эй проснись,
Под сердцем сладко спать в тепле,
Но что-то вздрогнуло и вниз
рвануло тяжело к земле.
Младенец вздрогнул, обернулся
Хотел вернуться, не вернулся
И белый свет вокруг него
Со свистом медленно сомкнулся
И вот теперь невнятна тьма
Невнятен свет туманный
Жизнь началась как зима
Под звон трамвайный.
И не дрожат его колена
И пуст его недвижный взор
Когда летит он как полено
В седой негаснущий простор.

1968 г.

КОЛЯСКА, ЗАБЫТАЯ У МАГАЗИНА

Ребенок позабыт в шелку коляски.
Мать утонула в блеске магазина.
На крае сумерек уж появилась ночь.
С кровавой ягодкой влечет она корзину.
Клубится и мяучит кот,
Фонарь горит над низкою луной,
Лежит младенец под
Чуть наклоненною стеной.
Жива стена, жив шелк, шуршат пеленки
И только нет его, он растворен,
Он ничего не значит,
Как эти крики хриплые вокруг:
Ребенок чей? Уже давно он плачет.
Они кричат как птицы надо льдом,
А он кружась упадает в прорубь.
Коляску метит, пролетев с трудом,
Розовоглазый голубь.
Стопнулись тени, лед шуршит газетой,
Но плашка разума светится, не погасла,
Хоть испаряется ее святое масло,
Хотя уже дрожит несчастный огонек
И жалобно клонится.
Но где ж она, родимые сосцы, тепло и свет?
Пора бы появиться.
И появляется с авоською она -
Что выплюнуть его на свет решилаась
И весело влечет скорей туда,
Где сразу все забылось.
И не заметно ей - младенец растворен
В ночи, как сахара кусочек,
Но он воскреснет вновь, да выплывет он вновь,
До новой тьмы и ночи.

КОШКА - ДИРИЖЕР

Любовников подогревая
Апрельской ночью на дворе
Орала кошка, изнывая -
Она была как дирижер,
Хотя у ней немой был хор.
Она визжала, улета
Куда-то ввысь - к подошве рая
И снова до хрипа - спускаясь с высот -
До визга трамвая.
Как наждаком или ножом
Она водила по окошкам,
Развратное кружило пенье -
Звеня сплетались вилка с ложкой
И понедельник с воскресеньем.
Мяуча голос гонит, плачет,
Зовет - как звуковой гипноз
И стало ясно мне - что значит -
прижизненный метампсихоз.
Любовники все были серы,
Все были серые коты,
И все любовницы усаты,
Все лица в пятнах темноты,
Что проступает в час греховный
И у людей и у зверей -
Почти что маска Гиппократы -
Белее лица, тени злей.
И ночь- огромным зверем стала
И всех растлив в одно смешала
И кошка тут за всех орала
Как раз тогда когда пристало
Стонать и комкать одеяло.
Рассвета ржавое ведро всех разогнало.

1974 г.

ЭЛЕГИЯ

на рентгеновский снимок моего черепа

Флейтист хвастлив, а Бог неистов —
 Он с Марсия живого кожу снял —
 И такова судьба земных флейтистов;
 И каждому ревнуя скажет в срок —
 Ты меду музыки лизнул, но весь ты в тине,
 Все тот же грязи ты комок
 И смерти косточка в тебе посередине.
 Был богом света Аполлон,
 Но помрачился —
 Когда ты, Марсий, вокруг руки
 Его от боли вился.
 И вот теперь он бог мерцанья,
 Но вечны и твои стенанья.

И мой Бог, помрачась,
 Мне подсунул тот снимок,
 Где мой череп светясь,
 Выбыв из невидимок
 Плыл, затмив вечер ранний,
 Обнажившийся сад —
 Был он плотно-туманный
 Жидкой тьмою объят —
 В нем какие-то тени и облака
 И моя задрожала рука.
 Этот череп был мой,
 Но меня он не знал,
 Он подробной отделкой
 Похож на турецкий кинжал —
 Он хорошей работы
 И чист он и тверд —
 Но оскаленный этот
 живой еще рот.

Кость — ты долго желтела,
 тяжелела как грех,
 Ты старела и зрела, как грецкий орех —

для смерти подарок.

Обнагдела во мне эта желтая кость,
Запахнула кожу как полсть

Понеслася и правит мной

Тормозя у глазных арок.

Вот стою перед Богом в тоске

И свой череп держу я в дрожащей руке —

Боже, что мне с ним делать?

В глазницы ли плюнуть?

Вино ли налить?

Или снова на шею надеть и носить?

но вернулся он снова и на шею взлетев

напомнил мне для утешенья:

Давно в гостях — на столике стоял его собрат

для украшенья

И смертожизнь он вел засохшего растенья,

Подобьем храма или фиала —

Там было много выпито, но не хватало

И некто тот череп взял и обносить гостей им стал—

Чтобы собрать на белую бутылку,

Монеты сыпались звеня по темному затылку,

А я его тотчас же отняла —

Поставила на место — успокойся

И он котенком о ладонь мою потерялся —

За это мне наградой будет то —

Что череп мой не осквернит никто —

Ни червь туда не влезет ни новый Гамлет в руки

не возьмет.

Когда наступит мой конец — с огнем пойду я под венец

Но странно мне другое— это

Что я в себе не чувствую скелета,

ни черепа, ни мяса, ни костей,

скорее же—воронкой после взрыва

Иль памятью потерянных вестей,

туманностью или туманом

иль духом новой жизни пьяным.

Но ты мне будешь помещенье
Когда засвищут Воскресенье
Ты - духа моего пупок
Лети скорее на Восток.
Вокруг тебя я пыльным облаком
Взметнусь кружась, твердея в Слово,
Но жаль - что старым нежным творогом
Тебя уж не наполнят снова.

1973 г.

ПЛАВАНЬЕ

Я, Игнаций, Джозеф, Крыся и Маня
 В теплой рассохшейся лодке в ослепительном плыли
 тумане,
 Если Висла - залив, то по ней мы, наверно, и плыли,
 Были наги - не наги в клубах розовой пыли,
 Видны друг другу едва как мухи в граненом стакане,
 как виноградные косточки под виноградною кожей -
 Тело внутрь ушло, а души как изимы всхожи
 были снаружи и спальным прозрачным мешком укрыли.
 Куда же так медленно мы - как будто не плыли, а плыли?

Долго глядели мы все на скользившее мелкое дно.
 - Джозеф, на лбу у тебя родимое что ли пятно?
 Он мне ответил и стало в глазах темно.

- Был я сторожем в церкви святой Флориана,
 А на лбу у меня - смертельная рана,
 Выстрелил кто-то, наверное, спьяну.
 Видишь - Крыся мерцает в шолке - синем, лиловом,
 Она сгорела вчера дома под Ченстоховом

*Nie ma już ciała, a boli mnie głowa.*¹⁾

Вся она темная, теплая как подгоревший каштан
*Was hat man dir du armes Kind getan?*²⁾

Что он сказал про меня - не то чтобы было ужасно -
 только не помню я что - понять я старалась напрасно,
 не царапнув сознания - его ослепило,
 обезглавило - что же со мною там было?
 Что бы там ни было - нет, не со мною то было.
 Скрывшись привычно в подобии клетки
 три канарейки - кузины и однолетки,
 отблеском пения тешились. Подстрелена метко
 Сгорбилась рядом со мной одноглазая белка.
 Речка сияла и было в ней płyтко так, мелко.
 Ах, возьму я сейчас канареек и белку,
 Вброд перейду - что же вы, Джозеф и Крыся? -

1) Уже нету тела, а голова болит (польск.)

2) Что сделали с тобою, бедное дитя (Гете)

Берег— вон он — еще за туманом не скрылся.
 — Кажется только вода неподвижным свеченьем,
 Страшно как током ударит теченье
 Тянет оно—в одном направленьи
 И ты не думай о возвращеньи.

Белкина шкурка в растворе дубеет,
 В урне твой пепел сохнет и млеет.
 Что там? А здесь уже солнышко греет.
 — Ну а те, кого я любила
 их — не увижу уж никогда?
 Что ты! Увидишь. И их с приливом
 К нам сюда принесет вода.

*And if for ever*³⁾, то

*музыка*⁴⁾ *skrzmi* из Штрауса обрывки.
 Вода сгустилась вся и превратилась в сливки!
 Но их не пьет никто. Ах, если бы ты мог
 Вернуть горячий прежний гранатовый наш сок,
 Который так долго кружился, который— всхлип, шелк—
 Из сердца и в сердце — подкожный святой уголек,
 Красная нитка строчила, шивала творенье Твое!
 О замысел один кровообращенья —
 Прекрасен ты как ангел мщенья.
 Сколько лодок, сколько утлых кружится вокруг
 И в одной тебя я вижу, утонувший старый друг
 И котенок мой убитый — на плечо мне прыгнул вдруг
 Лапкой белой гладит щеку —
 Вместе плыть не так далеко.
 Будто скрипнули двери —
 весел в уключинах взлет,
 Темную душу измерить
 Спустился ангел как лот...

1975 г.

3) И если навсегда (Байрон)

4) музыка гремит (польск.)

БЕСТЕЛЕСНОЕ СЛАДОСТРАСТИЕ

(Дагобер и Нантильда — короли, чьи скелеты, как и
всех прочих
французских королей, были вырыты в разгар революции
и брошены в яму с известью)

1. Дагобер, Дагобер,

Мне казалось, что все нас забыли,
Мы двенадцать веков в гробе тихо лежим,
Дышим тленом друг друга

Обручальный наш червь недвижим.

2. Ах, Нантильда, Нантильда,

Серебристые кости,

Кто шумит там — не знаете вы?

Эти слуги всегда... Но у вас, дорогая,
Даже нету уже головы.

3. Головы моей нету, правда,

Всего лишнего я лишена,

Слезли платья, рубашка и грудь,

Но когда я пылинкою стану

Вот тогда моя явится суть.

4. Да и я, дорогая Нантильда,

Только тверже я стал и белей,

Смертожизнь бесконечная длится...

Уж не слуги ль несут нам мускат?..

К нам, вы слышите, кто-то ломится.

5. Кто-то крышку гроба снимает,

Наши кости кому-то нужны...

Не назвали ль случайно гостей,

что отнимут сейчас ваши кости

От моих безутешных костей?

Голос: Вот еще парочка королей! В яму их... с нега-
шеной

известью!

Отряхнув с себя кости и пепел

Мы на небе друг друга не найдем?

Моя пыль так любила твою!

... Но что за чудо, Дагобер,
Вижу я твое лицо,
На руке твоей нетленной
Обручальное кольцо!
О Нантильда-Дагобер!
Дагобер-Нантильда.
Голос: извести не жалеите! сыпьте! сыпьте!

МОИСЕЙ И КУСТ, В КОТОРОМ ЯВИЛСЯ БОГ

О боже — ты внутри живого мира
Как будто в собственном гуляешь животе
В ужаснувшемся кусте
Пляшут искорки эфира.
Как скромн ты!
Каким усиьем воли
Ты помещаешься
В одном кусте — не боле.
Как ты стараешься себя сгустить
И ангелов тебя поддерживают крылья
Чтобы нечаянным усиьем
Всего творенья не спалить.
Куст по твоим законам жил
Их затвердив как все, как все
По осени он цвел дождем
И сыпью розоватой по весне
Необжигающим огнем
Теперь осыпан как во сне.
Бог Авраама, Бог Иакова,
Творец и крови и Венеры
Тебе не надо светлой Авеля
Души, ты ищешь не любви, а веры,
Но только внутреннюю силу...
Вот Моисей — он прям и груб
Его, конечно, до рожденья
Уже ты пробовал на зуб...
Вот Бог уходит на восток
Такое чувство у куста
Как будто выключили ток,
Как будто плоть его пуста.
Приходит ангел — он садовник,
Он говорит, стирая пыль с куста;
Расти, расти, цветы терновник
Еще ты нужен для Христа.

СТАРОСТЬ КНЯГИНИ ДАШКОВОЙ

Княгини Дашковой нет
 В АКАДЕМИИ на острове —
 Она под старость лет
 Уехала в Москву.

Кто крыс пожалеет?
 Кто крыс пожалеет?
 Ведь крыса-она
 И не жнет и не сеет
 И не красива собой.
 Эй, крысы, бегите
 Скорее
 В тот дом на углу
 Сначала по крыше, потом в трубу.
 Но вы все равно опоздали —
 Заступница ваша в гробу.
 Поминки. На кухне судачат,
 судачат.

Никто, ну никто по ней не заплачет:
 "С утра с поздравленьем крысенок к постели,
 Он что-то ей пискнет, она ему тоже
 И сахар ручкой белой
 К его подносит роже.
 Как сын-то ей помер
 Без слез хоронила —
 Бог дал, Бог и взял,
 Судить, мол, не нам,
 А Машенька, крыса, хвост прищемила
 Так плачет и слуг цельный день по мордам".

Темнеет сознание,
Лампада дымится,
Вольтер и Руссо
В далеких гробницах.
О старость - свобода
То делать, что хочешь.
О чем же ты плачешь?
Чего ты бормочешь?
"Или это - стенки гроба
Или это колыбель?
В черном вязаном платочке
Крыса надо мной теперь.
О милая! Как ты похожа
На бабушку- ты так нежна
И утешенья со слезами
Мешаешь так же, как она"
Качает крыса гроб опрятный
Касаясь бедных желтых плеч,
Слова ее непонятны
Как в детстве взрослая речь.
Дует шут в свою свистульку,
Доживи до той поры,
Когда ты свяжешь гроб и люльку
Причудливостью злой игры.

1967 г.

К И Н Ф И Я

К служанке

Дай мне мази багровой —
Ветрянку у губ успокойть.
Дай, постель подогрев,
Чемерицы в горячем вине.

Ливень льет с утра—
Ледяными хлыстами
Рим сечет как раба,
Пойманного в воровстве.

В клетке кричит попугай—
Разговорился проклятый!
Край наш под мокрым застыл одеялом,
Только там — далеко, в Паренях—

На германца идут легионы
В ущельях — как мизинец они,
Что в агонии долго дрожит,
Когда тело уже омертвело.

В Риме никто переменчивей нравом
Меня не рождался—
Нынче куда не взгляну
Все раздражает меня —

Все верещит попугай
Жалкого жалкий подарок,
Задуши его быстро рабыня.
Тельце зеленое после в слезах исплывет,
Буду тебя проклипать, но сейчас

задуши поскорее.

Ревут водостоки — сегодня никто—
Ни вор, ни любовник из дому не выйдет
Тщетно в трактире напротив
Мутных не гасят огней.

II

Снова сунулся отец с поученьем:

- Надо жить, мол, не так, а этак.

- Хорошо, говорю ему, папа,
Больше этого не будет, папаша.

Смотрю я, кроткая, на голову седую,
на руки скрюченные, слишком красный рот.
Говорю я рабам- Немедля
Киньте дурака в бассейн.

Волокут его по мраморному полу,
Он цепляется, а не за что цепляться,
Кровь течет по лицу и слезы:
- Доченька, кричит, прости, помилуй!

Нет! Некормленным моренам на съеденье
Ты пойдешь, развратник и ханжа.
Или представлю- как лев в цирке
Дожевывает его печень.

Ладно, ладно- говорю- я исправлюсь,
Ах ты бедный мой, старый папа.
Когда тигр вылизал даже пар от крови
Мне стало его чуточку жалко.

В уме казнь его по-разному- тыщу
Раз и еще раз тыщу-
Чтоб однажды и в самом деле
Молоток поднят- по виску не стукнуть.

III. К служанке

Как посмела ты, подлая, как посмела!
Тебя мало сослать в деревню,
Выдать замуж за кольтибера,
Что мочою себе зубы чистит,

Иль под цвет души — за абиссинца.
О наглая! Катулла я твердила,
Бродя по дому тихо — и светильник
В углу стоявший, тень свою длинил —
Она вбежала, топая, из кухни
Таща макрель на золоченом блюде
И наступила прямо мне на — тень —
На голову, а после на предплечье!
А тень мал ее дубленой кожей —
Ведь знает же! — Волимей и нежней.
Когда б тебя га той же сковородке
Захарить благородною макрелью

И по тебе бы не было так больно
Как мне — когда ты к полу придавила
Своей иржицей — тень от завитка.

1У К КУПИДОНУ

Боль всегда с тобой, сосунок крылатый.
Хоть и разлюбишь — проститься больно.
У тебя в колчане — стрел всегда вдоволь —
Ты зачем, жадный,
В горло упершись,
Стрелку рвешь так сильно
Из засохшей ранки?
Или мстишь, что больше мне не хозяин?
Лучше уж запусти другую,
Не тани эту, не рви, не трогай —
Запеклась кровь уж.
Так лети себе, не жадничай, мальчик.

У К МОЛОДОМУ ПОЭТУ

Чего ты, Септим, пристал к Музе?
Зря гнусавишь, зря ручонками машешь,
Так отбивая. Надоел ты смертно
Каллиопе, Эвстерпе, а Эрата
И куда бежать от тебя не знает.

Не дергай Музу за подол больше.
Не то смотри— на площади людной
Вселится в тебя громовой голос
И не захочешь— скажешь при людях:
"Таким как я — хозяевам счастливым
Мордашек гладких, наглых,
Каких стадами на Форум водит
День римский длинный,
С мозгами птичьими и языком длинным
Лишь к смертным женам возделеть можно.
Раз щип сдернул я туфлю с Музы,
Раз оцарапал я ей лодыжку.
Чтобы гнев богини мимо пронесся—
Поскорей спрячься от меня подальше,
Люди, добрые, таблички и грифель."

У1 К Клавдии

Клавдия, ты не поверишь— влюбился в меня
гладиатор,
Третий сезон поражений он в цирке не знает,
Мне уже сорок, а он молод еще и красив—
Он целомудренный, честный, смуглый, огромный,
печальный,
Слон Ганнибалов носил меньше шрамов, чем он.
В цирке всегда, говорит, щипает меня он глазами,
Но не найдет никогда — я ведь туда не хожу.
Сумерки только падут — в двери мои он стучится,
Вечер сидит опираясь на блестящий тяжкий меч.
Только с усилием дышит он через рот и глядит
Страстно и жалобно вместе...
Любвник мой над ним до слез хохочет.
Конечно не в лицо, ведь он— ты знаешь— трус,
Пороки все в себе соединяет,
Чуть гладиатора видит — прыгает прямо в окно.
"Страсть— говорит гладиатор— мешает сражаться,
Если так дальше пойдет, в Галию я не вернусь,
Я побеждаю и так уж без прежнего блеска,

Кто-нибудь бойкий прирежет вот-вот".
Что он находит во мне? Хладно смотрю на него,
На глаз оленьих блеск и мощных темных рук.
Что делать, Клавдия, Амур причудлив —
Люблю, несчастная, я лысого урода,
Что прычется как жалкий раб за дверью,
Чтобы кричать потом — Гони убийцу вон —
Но подлой жалко мне его прогнать,
Когда еще такой полюбил молодец,
а старости вот-вот — они — туманы.
Как сытый волк и на зиму овца...
Я муки для его, а если — зачахнув от любви
Падет он на арене — как жить тогда мне, Клавдия, скажи?

УП

Как я вам завидую, вакханки,
Вы легко несетесь по нагорьям,
Глаз белки дробит луны сиянье,
Кобылицами несетесь вы степными.
Как-то раз в сторонке я стояла —
Привела меня подружка — мы смотрели —
Вдруг она не выдержав — забилась
Тоже в пьяной пляске и рванулась
Вслед за вами, про меня забывши.
Я смотрела — ваши рты кривились
И съезжали набок ваши лица
Будто бы плоских актеров маски.
Вы быка живого растерзали
И, давясь, его сжирали мясо
И горячей кровью обливались,
Разум выплеснули как рабыня
Выливает амфору с размаху.
И на вас в сторонке я глядела.
А домой пришла — смотрю — все руки
Расцарапаны — в крови до локтя...
Вот удел твой, Кинфия, несчастный —
На себя ты страсть обрушить можешь,
На себя одну, и ни страстишки

Улететь вовне не дашь и малой.
За быком не побежишь нагая...

УШ К провинциалке

Может ты не знала, абдерянка,-
Кинфию обидить очень страшно-
Кинфия такие знает травы,
Чары есть у Кинфии такие...
Что спадешь с лица, почернеешь,
Будешь ты икать и днем и ночью,
Повар- грек твой будет в суп сморкаться,
Потому что порчу наведу я,
И залечит тебя твой хваленый
Врач- египтянин.
Даже пьяный негр, матрос просоленный,
В долгой по любви стосковавшей дороге,
Даже он в постель к тебе не ляжет.
Так что лучше ты, абдерянка,
Кинфию забудь, оставь в покое.
Впрочем, пальцем я б не шевельнула,
Если сделаешь мне что дурное-
Все равно Юпитер, знай, накажет.
Кинфию обидеть- очень страшно.

ГОРБАТЫЙ МИГ

1.

В Сингапуре пестрых дней
 В розовой кружась лодке,
 По волнам веселой водки
 Я ныряла средь теней,
 Счеловеченных неловко.

Горою вспучился залив,
 Миг, нечто значащий, горбат,
 И звезд вдруг удлинились гвоздья,
 Сосен мерзнущие гроздья —
 Тяжкий зимний виноград —
 Он чуть подсолен, чуть в укор.
 Чего ты вздыбился, залив?
 Но он молчит, как будто горд,
 Что к небу бросил, не спросив,
 Зеленый непрозрачный горб.

2. (Пробуждение)

Заката острая игла
 Кровавая накалена,
 Прямо в сердце впиться хочет,
 В сердце, слабое от сна.
 Болят соски-натерты
 Небрикою щекой.
 Ты мне чужой, как мертвый,
 Мертвец не так чужой.
 В зеркало косо взгляну —
 Глаза камикадзе,
 Только светлей,
 Да сигарета пытит веселей
 И небрежней,
 Вдруг быстро и нежно
 Мандолина возле уха
 Пробежала бойким пони.

Только, только я проснулась,
 А корабль дня уж тонет.
 Засыпала на рассвете
 И проснулась я под вечер,
 И неделями мне светят
 Только лампы, спички, свечи.
 Пахнет блуд кавказской травкой,
 И козел бежит к козлице —
 Для кого-то они блюдо,
 Для кого-то они боги,
 Для кого-то облака.
 И змеи шипенье в страсти,
 Потные хладеют руки
 На краю как будто счастья
 И в краю смертельной скуки.

3.

О несданные бутылки,
 Обниму вас, соберу вас,
 Ваши шеи и затылки
 С вами я спущусь в подвал,
 Где лампа тонко
 Пищит и будто бы чадит,
 Где очередь стоит
 Обиженным ребенком.
 Бог тоже там, но он пока молчит,
 Хоть слышит он молитву из бочонка.
 Он запах перегара, водки, гнили
 Вдруг превратит в чистейшую из лилий.
 И все, что стоило нам слез,
 И все, что было нам как груз
 И вся тоска уйдет в навоз,
 Чтоб дивный сад на нем возрос
 Для Диониса и для Муз.

4.

Я в заснеженном Египте,
 Я в развале пирамид —

Будто кто глушил пространство,
 Бросил страшный динамит.
 Зачем комета к нам летит?
 Зачем ты вспучился, залив?
 Ответ лежит под белым дном.
 Драконом невысоких гор,
 Как дева на ветру шарфом,
 Загородился.
 И побережье все, как спальня,
 Где детский сад в свой тихий час резвился,
 Где в перьях и подушках пол,
 Сползли матрацы, клочья ваты.
 Что значит этот миг горбатый?
 И что сломалось нынче в мире?
 Хоть не узнать нам нипочем,
 Мы все гадаем — кто на чем —
 На воске кто, кто — на Шекспире.
 Быть может, просто чернь минут
 Задумала времен сверженье,
 Но потерпела поражение,
 И белый царствует террор.
 В небытие мятежников угонят,
 Как, впрочем, всех. Рисунок на ладони
 Сместился. Куда-то линии полезли,
 И я гляжу в глаза созвездий,
 Подернутых молочной пленкой —

Щека невиннее, ребенка —
 Они не знают ничего.
 Ветшает ткань небес,
 Свежа одна лишь булка.
 Луна свисает ухом недоумка,
 Куда блохою космонавт залез.

5.

Как женщина, когда она в разводе
 Румянится, и шьет, и красит брови,
 Паук, когда и мух-то нет в заводе,

Уж в январе свой цепкий ромб готовит,
И я вот так — иду сдавать бутылки,
Хотя на сигареты мне б хватило,
Так жалко их — как будто я на рынке,
Они — цыплята, я их год растила,
Они звенят, они пищат в корзинке.

6.

Гляну в зеркало — и снова детский вид,
Время что ли во мне стоит?
И сломались во мне часы?
И я опять подросток нервный,
То жалко грубый, то манерный?
И запылились только веки,
С них не смахнуть уже вовеки
Пыльцу дорожную времен.

7.

.....

8.

Ночью проснулась от крика —
Да это же мне подпиливают переносицу:
Два-три взмаха
напильником,
И путь от глаза до глаза
Опасен — грозит обвалом.
Ах, горб лица, и ты болишь!
Вселенную уронили ребенком,
И она все еще плачет.
Она горбата.
Я видела вчера горбунью юную в аптеке,
Она торговала — такая веселая, впрочем,
Мужчина в одежде рабочей
Попросил у нее презервативы,
Так беззащитно и кокетливо
Она ему их подала

И улыбнулась так приветливо.
 Чужая боль — как музыкант за стенкой:
 Мозг раскололся, и любая белка
 Его достанет сточенным ногтем,
 Дыша, кусая мелко-мелко
 И в лапках комкая — для друга своего
 Несет комочек в домик поднебесный,
 Чтоб вместе слопать им святое вещество
 И снова ждать, когда оно воскреснет.

9.

Что же значит этот миг?
 Отчего он стал горбат?
 Но что-то значил он.
 Я слышала какой-то крик,
 Какой-то страшный был ожег.
 Быть может, в стакан вселенной
 Брошен яд,
 Комет ужасный порошок,
 Но в жилах космоса еще не растворился?
 Гадалки говорят — верней всего,
 Что в будущем году враг человечества родится,
 И, может, в этот миг родители его
 Решили пожениться.

10.

Конек заржавленной луны
 Чертил носком дурные сны
 В моем мозгу
 И дуги, смутные круги
 В замерзнувшем пруду.
 Знаменья значили: беги —
 Или — жди, вот-вот приду?
 Встал Новый год не с той ноги
 И плакал на углу.

Комета канула во мглу,
И мутно-серым языком
залижет горб залива.
Опять летит равнина дней,
Ты, время, уровняло шаг,
И мы, как камень муравей,
Твой обползли желвак.

7 февраля 1974 года

ЧЕРНАЯ ПАСХА

1. Канун

Скопление луж, как стадо мух,
 Над их мерцанием и блеском,
 Над расширяющимся плеском
 Орет вороний хор.
 И черный кровоток старух
 По вене каменной течет вдоль глаз в притвор.
 Апрель, удавленник, черно лицо твое.
 Глаза серей носков несвежих,
 Твоя полупрозрачна плешь,
 Котел-нечищенный, безбрежный
 Где нежный праздник варят для народа —
 Спасительный и розовый кулеш.

Завтра крашеные яйца
 Солнца легкого уют,
 Будем кротко целоваться,
 Радоваться, что мы тут.
 Он воскрес — и с ним мы все —
 Красной белкой закружились в колесе
 и пылинкою в слепящей полосе.

А нынче, нынче все не то,
 И в церкву не пройти,
 На миг едва-едва вошла
 В золотозубый рот кита-миллионера —
 Она все та же древняя пещера,
 Что, свет сокрыв, от тьмы спасла,
 Но и сама стеною стала,
 И чрез нее, как чрез забор,
 Прохожий Бог кидает взор.
 Войдешь — и ты в родимом чреве:
 Еще ты не рожден, но ты уже согрет
 И киноварью света разодет.
 Свечи плачутся, как люди,
 Священника глава на блюде,
 Толпы — отрубленной казалась,
 В глазах стояла сырость, жалость.

Священник, щука золотая,
 Багровым промелькнул плечом,
 И сердца комната пустая
 Зажглась оранжевым лучом.
 И, провидя длань демиурга
 со светящимся мощно кольцом,
 В жемчужную грязь Петербурга
 Я кротко ударю лицом.
 Лапки голубю омыть,
 Еще кому бы ноги вымыть?
 Селедки выплунутая глава
 Пронзительно взглянула.
 Хоть глаз ее давно потух,
 Но тротуар его присвоил
 И зренье им свое удвоил.
 Трамвай ко мне, багрея, подлетел
 И, как просвирку, тихо съел.
 Им ведь тоже, багровым, со складкой на шее,
 Нужно раз в году причаститься.

11. Где мы?

Вот пьяный муж
 булыжником ввалился
 и, дик и дюж,
 заматерился.
 Он весь, как божия гроза:
 "Где ты была? С кем ты пила?
 Зачем блестят твои глаза
 И водкой пахнет?"
 И кулаком промежду глаз
 Как жахнет.
 И льется кровь, и льются слезы.
 За что, о господи, за что?
 Еще поддаст ногою в брюхо,
 Больной собакой взвизгнешь глухо
 И умирать ползешь,
 Грозясь и плача, в темный угол,

И там уж волю вою дашь,
 Откуда он в меня проник,
 Хрипливый, злой зверинный рык?
 Толпой из театра при пожаре
 Все чувства светлые бежали.
 И боль и ненависть жуешь.
 Когда затихнешь, отойдешь
 Он здесь уже, он на коленях,
 И плачет, и говорит: "Прости,
 Не знаю как... Ведь не хотел я.."
 И темные слова любви
 бормочет с грустного похмелья.
 Перемешались наши слезы,
 и я прощаю, не простив,
 И синяки цветут как розы.

.....
 Мы ведь-где мы? - в России,
 Где от боли чернеют кусты,
 Где глаза у святых лучезарно пусты,
 Где лупцуют по праздникам баб...
 Я думала - не я одна -
 Что Петербург нам родина - особая страна,
 Он - запад, вброшенный в восток,
 И окружен и одинок,
 Чахоточный, все простужался он,
 И в нем процентщицу убил Наполеон.
 Но рухнула духовная стена -
 Россия хлынула, дурна, темна, пьяна.
 Где ж родина? И поняла я вдруг:
 Давно Россиюю затоплен Петербург.
 И сдернули заемный твой парик,
 И все увидели, что ты
 Все тот же царственный мужик,
 И так же дергается лик,
 В руке топор,
 Расстегнута ширинка -
 Останови же в зеркале свой взор

И ложной красоты смахни же паутинку,
 О Парадиз!
 Ты избяного мозга порожденье,
 Пропахший щами с дня рожденья,
 Где ж картинка голландская, переводная?
 Ах, до тьмы стая мух засицела родная
 И заспала тебя детоубийца,
 Порфиросная вдова,
 В тебе тамбовский ветер матерится
 И окает, и цокает Нева.

111. Разговор с жизнью
во время тяжелого похмелья

Багрянит око
 Огнем восток
 Лимонным соком
 Налит висок.
 И желт состав,
 Как из бутылки,
 Пьет жизнь припав
 Вампиром к жилке.
 Ах, жизнь, оставь,
 Тебе я руку ли не жала,
 Показывала - нет кинжала,
 А ты, а ты не унялась...
 И рвет меня
 Уже полсуток,
 О, подари хоть промежуток -
 Ведь не коня.
 Ну на - терзай, тяни желудок к горлу,
 Все нутро - гляди, в нем тоже нет оружия,
 Я неопасна, я твоя,
 Хоть твоего мне ничего не нужно.
 Но, тихая, куском тяжелым мяса,
 Она прижмется вся к моим врачкам:
 Жива ль она? Мертва? Она безгласна,
 И голос мой прилип к ее когтям.

И, как орел, она несет меня
 Знакомыми зелеными морями,
 Уронит и поймает, вновь, дразня,
 И ластится румяными когтями.
 Как сердце ни дрожит,
 Но с жизнью можно сжиться:
 То чаем напоит,
 То даст опохмелиться.

1У. Искушение

Воронкой лестница кружится,
 Как омут — кто-то, мил и тих,
 Зовет со дна — скорей топиться
 В камнях родимых городских.
 Ведь дьяволу сверзится мило,
 И тянет незримо рука
 Туда, где пролет ниспадает уныло
 Одеждой моей навека.
 Он хочет, он хочет вселиться
 И крови горячей испить,
 И вместе лететь и разбиться,
 По камню в истоме разлиться,
 И хрустнуть, и миг, да не быть.
 Но цепь перерождений —
 Как каторжные цепи,
 И новый облик душу,
 Скокетничав, подцепит.
 Ах, гвоздь ведь не знает
 Отчего его манит магнит,
 И я не знаю, кто со дна
 Зовет, манит.
 Может, кто-то незримый, родной,
 И так же, как я, одинок...
 Торговцем злобный сатана
 Чуть-чуть меня не уволок •
 Конфетой в лестницы кулек,

Легко б лететь спьяна .
 Но как представлю эту смесь -
 Из джинсов, крови и костей,
 Глаз выбитый, в сторонке крестик...
 Ах, нет, я думаю, уволь .
 А мы- зачем мы воскресаем
 Из боли в боль .
 И кровь ручонкою двупалой
 Светящейся и темно-алой
 Тянется в помещенье под лестницей, где лопаты и мет-
 лы
 Там-то ее пальчики прижали
 Там они увяли и засохли .

У. На утро

Я плыву в заливе перезвона,
 То хрипит он, то - высок до стона.
 Кружится колокольный звон,
 Как будто машет юбкой в рюшах,
 Он круглый, как баранка он,
 Его жевать так рады уши.
 Христосуется ветер и, косматый,
 Облупливает скорлупу стиха,
 И колокольня девочкой носатой
 За облаками ищет жениха .

У1. Обычная ошибка

Сожженными архивами
 Кружится воронье,
 На площадь черно-сивую
 Нет-нет да плюнет солнце .
 И кофеем кружит народ
 На городских кругах,
 И новобранцем день стоит,
 Смотрит в сухих слезах .
 Бывают дни, такие дни,

Когда и смерть и жизнь
Близнятами к тебе придут,
Смотри не ошибись.
Выглядят они просто —
На них иссиние пальто
Торжковского пошива,
И обе дамочки оне
Торгового пошиба.
Губки крашены сердечком
И на ручках по колечку,
И я скажу одной из них —
У ней в глазах весна:
"Конечно, ты — еще бы — жизнь,
Ты, щедрая, бедна".
Но вдруг я вижу, что у ней
Кольцо-то на кости.
И на коленях я к другой:
"Родимая, прости!"
Но в сердце ужас уж поет,
жужжит сталь остря.
Бумагу Слово не прожжет,
но поджелтит края.

24 апреля 1974 г.